

Не все воспитанники успешно сдавали выпускные экзамены. Так, в 1909/1910 учебном году лишь 40 % выпускников окончили Яловскую школу со свидетельством на звание учителя школы грамоты, Дрогичинскую – 97,3 %, Дятловскую – 77,7 % [1, с. 60]. Одной из причин слабой подготовки учащихся последнего учебного заведения являлось отсутствие собственного удобного здания. Школа ютилась в снимаемых помещениях, совершенно непригодных для размещения второклассного учебного заведения. В ночь с 18 на 19 марта 1910 г. в результате поджога сгорела и эта постройка, а в ночь с 11 на 12 мая – школьная баня. Благодаря местному епархиальному училищному совету Яловская школа начала следующий учебный год во вновь отстроенном прекрасном собственном здании [1, с. 61]. Одновременно был полностью обновлен учительский персонал.

Несмотря на то, что не все выпускники успешно заканчивали второклассные учебные заведения, данный тип школ сыграл существенную роль в развитии системы народного образования Западной Беларуси. Выпускников второклассных школ можно было увидеть среди учителей не только школ грамоты, но и церковно-приходских учебных заведений.

Литература:

1. *Отчет о состоянии церковных школ Гродненской губернии за 1909/10 учебный год, составленный епархиальным наблюдателем церковных школ (Извлечение из полного отчета) // Гродненские епархиальные ведомости. – 1911. – № 1–2 (отдел официальный). – С. 6–23, № 3–4 (отдел официальный). – С. 28–39, № 5 (отдел официальный). – С. 59–67.*
2. *Отчет о состоянии церковных школ Гродненской губернии за 1910/11 учебный год, составленный епархиальным наблюдателем церковных школ по данным отчета о.о. уездных наблюдателей // Гродненские епархиальные ведомости. – 1911. – № 48–49 (отдел неофициальный). – С. 473–497, № 50–51 (отдел неофициальный). – С. 503–528, № 52 (отдел неофициальный). – С. 546–577.*
3. *Отчет о состоянии церковных школ Гродненской губернии за 1911/12 учебный год, составленный епархиальным наблюдателем церковных школ // Гродненские епархиальные ведомости. – 1912. – № 48–49 (отдел неофициальный). – С. 517–534, № 50–51 (отдел неофициальный). – С. 556–597, 1913 – № 1–2 (отдел неофициальный). – С. 10–47.*

ИЦЕНКО А. Г.

КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН БАРАНОВИЧСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ (ГРОМАДСКОГО) НА АВТОКЕФАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕПАРХИЯХ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА НА УКРАИНЕ

Проблема автокефалии в православии до сих пор актуальна и состоит том, что канонические правила не регламентируют принципов образования автокефальных церквей. Поэтому богословы в обосновании автокефального статуса ищут исторические прецеденты, или апеллируют к канонам, которые косвенно могли бы её объяснить (34 Апостольское пр., 8 пр. Эфесского, 17 пр. Халкидонского, 38 пр. Трулльского соборов). Как отмечают теологи, автокефалия означает то, что «Церковь определенной территории имеет возможность избирать своего предстоятеля... Отказ от юрисдикционного первенства... и установление автономии жизни Церкви в пределах ее территории» [8, с. 24]. Митрополит Алексей (Громадский) исходил из того, что автокефализационный процесс включает в себя несколько составляющих: это проблема церковно-государственных отношений, внутрицерковного консенсуса, а также богословско-каноническая проблема.

Исходя из позиции оппонентов экзарха (представителей украинской околоцерковной интеллигенции – И. Власовского, А. Речинского, П. Сикорского), в национальном государстве необходима «национальная церковь». В рамках такого нарратива церковь рассматривается лишь «атрибутом государственности», легитимирующим приложением к государству. Такой подход предполагает оценку деятельности церковной иерархии, исходя из национальной цели, что не совсем корректно в рамках православного дискурса. С позиции Громадского для иерархии более естественно ориентироваться на церковно-каноническое право, в соответствии с которым евхаристическое единство со Вселенским православием является приоритетом.

Алексий характеризует автокефалию такими понятиями как «церковная независимость» и «самостоятельность». Также он принимал, как взаимозаменяемые термины, «автокефальная» и «поместная» церковь, хотя эти понятия и не вполне тождественны: каждая автокефальная церковь является поместной, однако не всякая поместная автокефальной. Поместные церкви могут существовать в статусах автономий и экзархатов, каноническая традиция знает такое понятие как «церковная область», она могла совпадать с границами государственного деления, компактным проживанием этнически или культурно однородного населения. Алексей называл церковную автономию «временной автокефалией», поскольку иногда предоставленные кириархальной церковью права автономии могут быть достаточно широкими, «почти не отличающимися от автокефалии» [1, с. 17].

Экзарх на широком историческом материале размышляет над соотношением автокефального статуса с такими категориями как поместная церковь и государство, церковь и народ, империя-народы-церковь. Он указывает на периоды, когда в пределах одного государства находились до четырех патриархатов [2, с. 4], а, например, болгарский народ был разделен на две автокефальные церкви, существовавшие в различных государствах [2, с. 122]. Громадский исторически показывал насколько нелинейными могут быть статусы церквей и насколько трудно вывести закономерности автокефальности с учетом погружения в ретроспективу.

При участии Алексия разворачивались два автокефальных проекта: Польская автокефалия (1924 г.) и автокефализационные процессы периода немецкой оккупации (1941–1943 гг.). Его воззрения на автокефалию

менялись в зависимости от объективных обстоятельств и положения церкви в государстве.

Важным этапом было получение автокефалии Польской церковью. Для Громадского в деле утверждения автокефальной епархии важной категорией является понятие «Церкви-Матери», которой для польских епархий он считал Русскую церковь. Именно этот период становится переломным во взглядах Алексея: он смирился с мыслью юрисдикционного разрыва с Московским патриархатом: «Сама жизнь... требуют независимого существования этой Церкви» [1, с. 119]. Богослов пытался обосновать, что отрыв продиктован не столько властными интересами польской иерархии, сколько исторической необходимостью, попытка получить максимальную свободу для выполнения церковью сакрально-религиозных функций.

Острой оставалась проблема национального фактора в Польской церкви. Теоретики национализма (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум) отмечают, что соотношение религии и национальности трудно вписываются в статические парадигмы. Н. Бердяев, например, даже называл национализм церковной ересью [9, с. 5]. Дискуссионным остается вопрос присутствия национального элемента в автокефализационных процессах. Как современники экзарха Алексея (П. Сикорский, И. Власовский), так и современные религиоведы (А. Саган, С. Жилюк) указывают на огромную роль национального фактора в деле провозглашения автокефалий. С другой стороны, православные философы и теологи (И. Мейендорф, А. Шмеман, Х. Яннарас) утверждают, что национализм не может соотноситься с кафоличностью церкви и евхаристической экклезиологией, на которых основывается автокефалия.

Громадский, касаясь места национального в церкви, не абсолютизировал этот фактор, хотя и признавал национальные элементы в обряде, указывая на «целесообразность некоторых сдвигов в сторону национальных моментов в жизни» [7, с. 175]. Концепцию же модерно-национальной отделенности, как базового принципа автокефалии, мыслитель принять не мог, считая таковую чуждой православной традиционной экклезиологии.

Народ и его роль в истории Алексей также рассматривал через призму религиозной телеологии. Иерарх фиксирует: «Самопознание нашего народа было... не столько племенным, а прежде всего религиозным». Национальное начало не самоцель, а средство для достижения религиозных целей, он указывает: «Один только расовый национализм не может быть той идеей, которая лежит в основе жизни нашего народа» [4, с. 98]. Только при доминировании религиозного фактора историко-культурные задачи «предстанут перед нами в самом высоком свете», – пишет мыслитель [4, с. 98]. Современники указывают, что Громадский «не считал, что Церковь должна служить политике или государственности, или нации... Говорил же наоборот, что «кто служит Богу, тот служит и народу»» [10, с. 9]. На этом основывалась и приверженность митрополита Алексея идее «Святой Руси», явившая себя, прежде всего, в русской агиологии.

Алексей исходил из позиции, что церковная история является продолжением библейской, где действует «Провидение». Оно направляет исторический процесс, человеку остается его разгадать и следовать ему, а поэтому необходимо реагировать на «обстоятельства времени». Исходя из этого мыслитель отмечает, что специфика провозглашения автокефалий с XIX в. в том, что это «дело правительств» [3, с. 11-16].

Наиболее контраверсионным, в воззрениях Алексея на автокефалию украинских епархий, был период с 1939 г. Свою юрисдикционную конверсию из Польской церкви в РПЦ и факт пребывания в ней на правах автономии, Алексей обосновывает элиминацией фактора давления польских властей. Позиция Алексея была по-своему логичной: состоялся очередной исторический сдвиг, изменились объективные обстоятельства, поэтому именно такие шаги он считал оптимальными для сохранения церкви, при этом оставшись в пределах канонического поля. Хотя он и признавался, что был вынужден, идя против совести, быть апологетом Польской «псевдоавтокефалии» [11, с. 488].

Свою логику возвращения в РПЦ Громадский обосновывал на деконструкции Польской автокефалии, и в этом контексте особое значение приобретала важность «епископской присяги», как церковно-юридической нормы, которую он и его оппоненты давали в «Церкви-Матери», от которой их «никто не освобождал». С этим связан и сакраментологический источник апостольского преемства, которое польский епископат также получил от РПЦ. Следующим аспектом уязвимости Польской автокефалии иерарх считал канонически некорректная позиция Константинополя, который, пользуясь сложным положением РПЦ, объявил «мнимое «право» юрисдикции». Для экзарха это были «бесосновательные претензии» и даже «акт агрессии», а факт уплаты польским правительством Вселенской патриархии значительной суммы он прямо называл «симонией» [11, с. 486-487].

Особым объектом философско-богословских рефлексий Алексея был Томос Вселенского патриарха на автокефалию Польской церкви (1924 г.). Углубляясь в ретроспективный анализ времен подчинения Киевской митрополии Московскому патриархату (XVII в.), мыслитель констатирует каноническую необоснованность Томоса по причине отсутствия чёткости позиций Фанара [6, л. 43-44]. По Громадскому, анализ Грамоты 1686 г. однозначно свидетельствует о разрешении патриархии на переход Киевской митрополии в РПЦ. Алексей отвергает аргументы о «продаже» митрополии русским царям, поскольку «подавание» патриархам Востока со стороны России были установленной практикой. Как псевдоканоничные расценивает мыслитель и автокефалистские концепции А. Лотоцкого и В. Чеховского, указывая на их богословскую несостоятельность и нетрадиционность для церкви [11, с. 490-492].

Алексей размышляет и над концептом «московского православия», которому его оппоненты противопоставляли т.н. «украинское православие». Он указывает, что к созданию «московского православия» имели непосредственное отношение и иерархи-«украинцы»: Кирилл II и Петр, Афанасий Владимир-Волынский, Стефан (Яворский), Феофан (Прокопович) и Феофилакт (Лопатинский). «Что они вложили в церковную жизнь, – пишет иерарх, – то и осталось до сих пор» [6, л. 42]. Поэтому принципиальной коллизии традиций между «московским» и «украинским» православием не может быть в принципе, поскольку на широком историческом фоне эти традиции взаимоперетекали друг в друга. Православие в России на разных исторических этапах испытывало сильное идейное влияние религиозной традиции украинских земель.

Касательно автокефализационных проблем оккупационного периода, Громадский фиксировал: «Я поставил... себе целью – независимость нашей Украинской Церкви, при автокефалии которой только и возможно окажется возрождение и развитие этой Церкви» [6, л. 43]. Хотя это и не являлось самоцелью, церковь должна быть «такого устройства», – пишет экзарх, которое бы смогло максимально «выявить богатые и многочисленные свойства... религиозного духа» [5]. Автокефалия должна опираться на традиции православия, а непременным её условием является «каноничность и законность». Поскольку, «согласно канонам, православные епископы, хотя бы и связанные принадлежностью к одному народу и общностью национальных убеждений, не могут положить основ существования новой автокефалии», осуществить эту цель возможно лишь при условии воплощения этих стремлений в «своей канонической юрисдикции» [6, л. 43], т.е. РПЦ.

Экклезиологический статус своей Автономной церкви Алексей обосновывал ссылкой на 17 пр. IV и 25 пр. VI Вселенских соборов о разделении церковной юрисдикции в соответствии с государственным политико-административным устройством. Эпоха, в которой жил мыслитель, от всех требовала гибкости позиций, представители церковных элит (иерархия, православные интеллектуалы) также подвергали многие свои взгляды значительным коррективам.

Концепция автокефалии Алексея имела своих оппонентов. Каждая из сторон конфликта в своих аргументах имела рациональные историко-канонические основания. Ситуация требовала нетривиальных подходов в решении канонически-экклезиологической коллизии. Искать однозначных подходов и линейных оценок в решении этих проблем, как по отношению к позиции Алексея, так и его оппонентов, было бы не совсем корректным, хотя все стороны конфликта пытались обосновать свои позиции апелляциями к конкретным каноническим постановлениям. Однако сложность тогдашней ситуации, в которой находились церковные институты на украинских землях, по определению не могли быть отражены в канонах, следовательно, сущность проблемы заключалась в «правильном» подборе и интерпретации имеющихся в каноническом своде правил.

Автокефализационные воззрения митрополита Алексея формировались под влиянием нескольких факторов: идейно-политические убеждения, в основе которых лежала идеологема «Святой Руси», воспринятая в дореволюционные времена, его заостренное каноническое сознание, выраженное в акривичной рецепции канонов, обусловленном образованием и заинтересованностью богословской областью церковного права, геополитическое и социокультурное положение, в котором оказался иерарх. В основе концепции автокефалии Украинской церкви Громадского лежала уверенность в том, что провозглашение автокефалии возможно лишь при условии соблюдения традиционных канонических процедур, требовавших благословения на самостоятельность кириархальной церкви – Московского патриархата.

Литература:

1. Алексей (Громадский), архиепископ. К истории Православной Церкви в Польше за десятилетие пребывания во главе ее Блаженнейшего Митрополита Дионисия (1923-1933) / архиеп. Алексей (Громадский). – Варшава : Синодальная тип-я, 1937. – 164 с.
2. Алексей (Громадский), епископ. Посещение Его Блаженством, Блаженнейшим Митрополитом Дионисием Святых Православных Автокефальных Восточных Церквей / еп. Алексей (Громадский). – Варшава : Синодальная тип-я, 1928. – 148 с.
3. Алексей (Громадский), архиепископ. Непрошенные радители или около автокефалии Православной Церкви в Польше / архиеп. Алексей (Громадский). – Варшава : Синодальная тип-я, 1929. – 28 с.
4. Алексій (Громадський), архієпископ. Слово при відкритті Волинського Єпархіального Зібрання / архієп. Алексій (Громадський) // Церква і нарід. – 1936. – Ч. 4. – 15 лют. – С. 95 – 99.
5. Алексій (Громадський), митрополит. Відозва до Преосвященних Архієпископів Всесесного Духовенства, Преподобного монашества і боголюбивих вірних Православної Церкви в Україні / митр. Алексій (Громадський) // Ровенский областной краеведческий музей. 7467 / VIII Д 2143.
6. Алексій (Громадський), митрополит. Одвертий лист до владики Полікарпа / митр. Алексій (Громадський) // Государственный архив Ровенской области. – Ф. Р – 281. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 42 – 46.
7. Алексій (Громадський), митрополит. Слова на великі свята і різні події церковного життя / митр. Алексій (Громадський). – К. : Вид-во ім. свт. Льва, папи Римського, 2002. – 189 с.
8. Антоний (Паканич), епископ. Поместные Церкви и церковное единство. Несколько слов о характере церковной автокефалии / еп. Антоний (Паканич) // Труды КДА. – 2008. – № 8. – С. 23 – 32.
9. Бердяев, Н. А. Христианство и антисемитизм (религиозная судьба еврейства) / Н.А. Бердяев // Путь. – 1938. – № 56. – С. 3 – 19.
10. Власовський, І. Ф. Митрополит Олексій Громадський (+1943 – 1963) / І. Ф. Власовський // Українське православне слово. – 1963. – Ч. 9. – С. 7 – 9.
11. Савчук, С., Мулик-Луцик, Ю. Історія Української Греко-Православної Церкви в Канаді. У 5 т. – Т. I. / С. Савчук, Ю. Мулик-Луцик. – Вінніпег : Екклесія, 1984. – 616 с.